

Т Ь Е Р Р И
К О Э Н

история моего
безумия

Все потерять, чтобы найти себя

Тьерри Козн История моего безумия

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11951069
История моего безумия / Тьерри Козн: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83528-7*

Аннотация

«Когда роман будет закончен, я умру» – так начал известный писатель Сэмюэль Сандерсон свою книгу. Когда-то он был обычным человеком, любил свою жену Дану и дочь Мэйан и был уверен, что семья – самое ценное, что у него есть. Но слава и богатство все изменили, этого испытания Сандерсон не выдержал. Его жизнь отныне протекала в свете софитов, под щелчки фотокамер. Поклонницы считали величайшим счастьем, если он снисходил до интрижки, журналисты почитали за честь взять у него интервью. В этом угаре остановиться, подумать было невыносимо. И вот результат – он потерял все, что раньше так ценил, его жизнь оказалась под угрозой.

Неужели плата за ошибки может быть столь высокой?

Содержание

Пролог	5
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	24
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	32
Глава 12	36
Глава 13	41
Глава 14	42
Глава 15	44
Глава 16	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Тьерри Козн

История моего безумия

Thierry Cohen

Je n'étais qu'un fou

© Editions Flammarion, Paris, 2014

Фото автора Gilles Defaix © Flammarion

© Клокова Е., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Э», 2015

* * *

Посвящается Соляль, Джонасу, Ялон и Амьель

Пролог

Когда роман будет закончен, я умру.

Интересно, они сначала найдут тело, а потом рукопись, или наоборот? Скажете, детский вопрос? Да нет, скорее причуда романиста, который не может не вообразать, какой хронологический порядок сделает финал произведения воистину эффектным.

Многим ли авторам удалось превратить последнюю главу своей жизни в первую главу будущей книги?

Мне нравится ирония момента. Я долго искал смысл жизни, а теперь распутываю нити существования, пытаюсь осознать смысл собственной смерти.

Логичней всего будет выглядеть следующая цепочка событий: обнаружение тела, ужас, слезы, вопросы, потом рукопись. Они прочтут эти строки и заговорят о совпадении, предвидении, мистицизме и проклятии. Используют слова, из которых соткалось полотно моей известности, чтобы сплести мой литературный саван.

Пресс-секретари используют эту возможность, чтобы обеспечить широкое медийное освещение, и мой последний роман будет иметь еще более шумный успех, чем все предыдущие.

Издатель оплатит мою смерть, пошлет цветы семье, раскошелится на некролог, а потом соберет пиарщиков и маркетологов, чтобы договориться о рекламной кампании. О кампании без участия автора, настоящей коммерческой находке – ведь вниманию безутешных читателей представят посмертный роман, раскрывающий подробности моей жизни и смерти. Книга будет раскупаться с почтительным благоговением, как личные вещи покойной знаменитости на аукционе. Что они смогут понять? Как интерпретируют мою исповедь? Увидят ли в ней вымысел, в очередной раз восхитившись силой моего воображения, или воспримут как чистосердечное признание, которым я хотел развенчать сам себя?

Какая разница? Они будут расхватывать мое «духовное завещание», как горячие пирожки. А несколько месяцев спустя или в годовщину моей смерти издатель и литагент предложат выпустить полное собрание сочинений. Как они его назовут? Прощальным даром? Данью уважения? Ладно, довольно прятаться за иронией. Мне хочется казаться сильным, но я, конечно же, боюсь. За семью, за себя.

Я разочтусь с жизнью словами, и этот словесный понос, эта долгая агония станет моим последним поступком. Поразительно, но я нахожу в этом некоторое удовольствие. Я решил написать роман ценой собственной жизни, и это разбудило угасшую страсть. Я никогда не подходил так близко к заветному источнику вдохновения, о котором грезит каждый художник, надеясь зачерпнуть из него и воспламенить свой талант.

Человек боится, писатель воспаряет.

* * *

Я не собирался писать этот пролог, но не смог изменить привычке начинать все мои повествования, сея сомнения, пугая и запутывая читателей. А еще это способ попрощаться с вами. И попросить прощения. Я знаю, вы меня не понимаете. Пока не понимаете.

Знайτε одно: когда я жил во лжи, каждый мой роман был актом не любви, но соблазна. Эта книга – если она удастся, несмотря на недостаток времени, – заставит вас возненавидеть меня. Смейтесь надо мной, отстранитесь от моих эмоций, не позволяйте им захлестнуть вас! Иначе пожалеете. Умение сочувствовать другому, делающее человека

самым нежным, а иногда и самым глупым существом на свете, может исказить ясность восприятия и побудит вас оправдать мои ошибки.

Я никогда не заслуживал вашей любви. Я завлекал вас, обманывал и обманывался сам. Я делал это по глупости, из тщеславия и всех других слабостей, которые присущи человеческой расе и так часто ее губят.

То же самое тщеславие позволяет мне наслаждаться работой над последним романом, вместо того чтобы сгорать со стыда и трястись от страха. Тщеславие – самая подлинная и сильная из всех наших эмоций, к тому же я ужасно самодоволен и думаю, что моя история послужит назиданием другим, помешает тем, кто похож на меня, потерять любовь близких из-за иллюзорных стремлений к могуществу.

Я дошел до предела судьбы. Невероятной участи, которая, устав от поисков искусственного равновесия между реальностью и мистицизмом, между жизнью «здесь» и «там», решила придать слову «конец» всю полноту его смысла.

Итак, из тщеславия и по эстетическим соображениям я приступаю к работе, и пусть она станет моим прощальным поклоном.

Часть 1

Откровения

Глава 1

До выхода в свет моего первого романа я был счастливым отцом семейства. Наш с женой союз покоился на прочном фундаменте взаимопонимания, которое удивляло тех, кто чист душой, восхищало идеалистов и вызывало зависть у проигравших. Кризисы, конечно, случались и у нас, но мы все преодолевали, понимая, как сильно нам повезло.

Мы встретились, когда нам было по двадцать два, на вечеринке, куда ни она, ни я не собирались идти. Случай зовется судьбой, когда пишет первые страницы истории грядущих событий. Она вошла в компании нескольких подруг, и я сразу понял, что эта девушка будет моей (извините за клише, которое так часто встречали в моих романах). Это не было догадкой – скорее наитием, висевшим в воздухе откровением. Она была очень красивой, а в ее улыбке угадывалось истинное простодушие – редкий дар, который обычно предпочитают скрывать.

Я подошел, подал ей стакан, предложил выпить.

– Может, произнесешь тост? – спросила она. Ее явно позабавило мое нахальство.

– За нашу встречу... Нашу любовь... За наших будущих детей.

Скажите, молодой соблазнитель решил выпендриться, блеснуть остроумием? Ничего подобного! Я сказал, что думал.

До того дня мысли о любви нагоняли на меня тоску и тревогу. Наверное, потому, что единственную женщину, которую я любил, увезли на «Скорой», и она так и не вернулась. Мне потом объяснили, что мама нуждалась в лечении и постоянном наблюдении, что ее психика была не в лучшем состоянии, но я все равно чувствовал себя брошенным. «Она вернется», – пообещали взявшие меня к себе бабушка с дедушкой. Но мама окупилась в своем безумии и однажды сама положила ему конец – вместе с жизнью. Никто не считал нужным просветить меня насчет характера ее болезни и способа самоубийства. С тех самых пор я начал питать к женской половине человечества влечение, граничащее с зачарованностью и недоверием, а если кто-то признавался мне в любви, сразу пугался. Любовь ассоциировалась у меня с разлукой и смертью, и до встречи с Даной я не имел ни малейшего желания проверять, насколько это справедливо. В ее глазах я увидел ту мягкую силу, которой наделяны женщины, точно знающие, что их ждет в жизни. Безмятежность Даны попала в унисон с моим желанием найти брод на опасном пути к будущему. На следующий день она пришла ко мне в гости, а через неделю переехала с вещами. Не припомню, чтобы у нас возникла хоть тень сомнения. Все было просто и ясно: впереди долгая счастливая жизнь.

Как-то раз, еще в детстве, я спросил деда, как узнать в женщине «ту самую, единственную». Он задумчиво потер подбородок (его позабавила моя серьезность) и сказал – без тени улыбки, осознавая всю важность обмена опытом между поколениями: «Нужно задать себе три вопроса. Первый: она добра? Понимаешь, малыш, злыдни – как медленно действующая отравка – помереть не померешь, но мучиться будешь всю жизнь. Женская злоба, кстати, может зваться ревностью или капризом. Идем дальше... Хочешь ли ты, чтобы она стала матерью твоих детей? Всегда помни, в тебе заложена такая сильная любовь к тем, кто однажды будет называть тебя папой, что ты не доверишь их недостойной женщине. Ну и последнее: смогу я стариться рядом с ней, не стесняясь собственной немоги? Если мужчина покидает этот мир раньше женщины, она должна помнить не дряхлого, выжившего из ума старикашку,

а человека, которого любила. Ответишь «да» на все три вопроса – без промедления предлагай руку и сердце».

Дана сделала меня счастливым, у нас родилась дочь, и мы наверняка состарились бы вместе... не стань я писателем.

Глава 2

«У каждого свой Эверест». Мудрая мысль, и не важно, кто ее высказал. Построить дом, совершить кругосветное путешествие, прыгнуть с парашютом, осилить Путь Святого Иакова¹, отправиться в паломничество в Иерусалим или Мекку, спеть на публике. У всех есть заветный план, чья грандиозность кроется в сложности. Его невозможно осуществить быстро, и мы говорим себе – все не вдруг, потом, когда появятся время, деньги и мужество...

Я с детства лелеял мечту написать роман. Не сделаться писателем, чтобы мои книги стояли на полках магазинов, а попытаться сочинить историю, придумать персонажей, обуздать слова, чтобы выразить ими всю гамму чувств. Я вырос в Лоуэлле, штат Массачусетс, в одном из скромных кварталов, где селились рабочие текстильных предприятий, пока из-за кризиса производство не перевели на юг. Дома из красного кирпича не слишком оживляли унылый городской пейзаж, но для меня Лоуэлл был наделен особым очарованием: здесь родился Джек Керуак. Отец бит-поколения² ходил в школу и лицей в соседнем квартале, работал макетчиком в типографии, выпускавшей местный бюллетень «Прожектор», а потом отправился в путешествие. Прошло время, он вернулся и занялся писательством. Я любил представлять, как Джек шляется по барам, мучимый экзистенциальными сомнениями. Я считал Керуака образцом для подражания, чем-то вроде отца, которого у меня не было, художником, терзаемым демонами, авантюристом-бродягой, автором великих текстов.

После поступления в Нью-Йоркский университет я поселился в квартале Гринвич-Виллидж, где написал несколько коротких рассказов. Это была проба пера, мне хотелось проверить, умею ли я рассказывать истории, но за роман взяться не решился – опасался, что на «длинную» дистанцию не хватит дыхания, воли и таланта. Я поделился с Даной своей безумной мечтой и не скрыл от нее, как боюсь, что никогда не сумею осуществить ее. Она дала мне разумный совет: подожди, пусть желание сесть за письменный стол станет таким сильным, что победит все сомнения и прогонит прочь неуверенность в себе.

И я ждал – почти два десятка лет, карабкался по карьерной лестнице, делал все, что полагается делать хорошему мужу и отцу, а к сорока годам почувствовал, что стремиться больше не к чему, и вернулся к мечте о писательстве. Сочинение романа было для меня сродни поискам Грааля, я понимал, что реализуюсь как личность, только если сделаю это. Дана всячески меня поддерживала, обещала помогать по мере сил и возможностей. Она верила в меня и относилась к моей затее как к своей собственной. В этом и состоит истинный смысл супружества: каждый трудится на благо другого, делает все, чтобы он раздвинул рамки, в которые сам себя загнал, стал сильнее и не боялся провала.

Работа длилась почти два года. Два года я вел неравный бой со словами и наслаждался каждой победой, каждой фразой, сочиненной на пределе возможностей. Утром уходил на работу, а вечером спешил вернуться к моим героям, продолжить их историю. Дана вела себя с редкостным самоотречением, занималась нашей дочерью Мэян и даже к телефону мне подходить не разрешала, чтобы я, не дай бог, не отвлекся, не расстроился. Она бесшумно входила в тесный кабинетик, ставила рядом с компьютером чашку чая, гладила меня по спине, улыбалась и исчезала. И я любил ее еще сильнее – не только как жену, но и как «товарища по оружию».

¹ Путь Святого Иакова – знаменитая паломническая дорога к могиле апостола Иакова в испанском городе Сантьяго-де-Компостела. Входит в число памятников всемирного наследия ЮНЕСКО.

² Бит-поколение – название группы американских писателей и поэтов. Они оказывали влияние на культурное сознание современников с середины 1940-х гг. и завоевали признание в конце 1950-х гг. Сам термин «бит-поколение» в 1948 г. придумал Дж. Керуак.

После завершения работы она первой прочла текст и со слезами на глазах потребовала, чтобы я разослал рукопись по издательствам. Реакция Даны обескуражила меня, но и ужасно польстила, и я решил довериться женскому чутью. Она сделала несколько копий, разложила их по конвертам и отослала самым известным агентам страны. Когда кто-то из них звонил, мы замирали в предощущении невероятных перспектив и не верили сами себе.

Глава 3

Мы пережили пять месяцев абсолютного счастья. Мой агент выбрал издателя, мы подписали договор, и началось волшебство превращения рукописи в книгу. Мы с Даной познавали новый мир с простодушием провинциалов, впервые увидевших огни столичных бульваров. Мы как дети восхищались встречами с другими писателями и радовались, что теперь сможем осуществить свои мечты.

Все были уверены в успехе моего первого опуса – уж очень удачная сложилась конъюнктура: критики в один голос хвалили романы некоего Нормана Макколи, которые много недель занимали первую строчку книжного рейтинга газеты «Вашингтон Пост». Все издательства искали «своего Макколи», и мой Господин Издатель решил, что я вполне подхожу на эту роль.

Я постепенно открывал для себя реальную жизнь книжного бизнеса, где бухгалтеры заменили филологов, рекламные слоганы вытеснили грамматические правила, а книгу «продавали», как новый напиток, изумительно утоляющий жажду.

Мой роман вышел в свет весной, через месяц после «премьеры» Макколи, и почти сразу составил ему достойную конкуренцию. Пресса не слишком жаловала Нормана: журналисты принимали его застенчивость за снобизм и в пику ему посвящали мне множество статей и репортажей, подогревая интерес к новому таланту. Затеялась война – без нашего участия, боевые действия вели агенты, издатели и пресс-секретари. Я и подумать не мог, что, «возвращаясь в казармы», армии оставляют на поле боя так много жертв.

* * *

В какой момент мы утратили контроль? Этот вопрос часто задают себе люди, чья жизнь внезапно переменилась из-за какого-то неожиданного происшествия или в силу возраста. Они удивляются, почему не добились желаемого, не исполнили предназначения, о котором, возможно, даже не задумывались в молодости, когда пытались через призму надежд и идеалов представить свое будущее.

В какой момент человек превращается в тупого придурка, слепого и глухого до такой степени, что всю жизнь играет чужую роль, симулируя чувства, эмоции? Мало кто способен найти ответы на эти вопросы, ведь личность человека размывается медленно и незаметно под воздействием компромиссов, самоотречений, мелких предательств, прикрытых фальшивыми оправданиями: желанием, нуждой, усталостью, нестерпимой жаждой продвигаться все выше и выше...

Лично я точно знаю, когда началось мое падение. Я превратился в существо, которое возненавидел, вскоре после появления первого романа. А может, чуть раньше, когда закончил писать и решил, что мое сочинение достойно публикации. Гордыня, до поры до времени скрывавшаяся в глубинах сознания, заставила меня уверовать, что текст вышел интересный, а мой невероятный творческий дар открывает фантастические перспективы.

Я должен был испугаться абсурдного ощущения всемогущества, а не предаваться буйному ликованию, благодаря Богу за то, что выбрал меня из множества кандидатов в писатели. Я возгордился и, пыжась от осознания будущего величия, рассказывал жене и близким друзьям, что мною заинтересовалось издательство. Я не понял, что этот новый мир соткан из иллюзий, заблуждений, претензий и всех тех недостатков и пороков, которые я много лет пытался победить.

Так что же мне следовало сделать? Отказаться от мечты, не писать роман? Жить в состоянии фрустрации?³ Спрятать рукопись в ящик стола, чтобы ее никто никогда не прочел?

Нет, я не жалею ни об одном из своих решений, меня изменили не они. Я поглупел не за один день: изъян был изначален. Любовь жены согревала меня, до поры до времени усыпляя сидевшую во мне дурь. Дана была моим солнцем, она умирала темные стороны моей натуры, заставляя верить в незыблемость нашего счастья.

Именно это я должен был беречь как зеницу ока.

³ Фрустрация – психическое состояние, возникающее в ситуации реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей, или, проще говоря, в ситуации несоответствия желаний имеющимся возможностям.

Глава 4

Через пять месяцев, которые были наполнены потрясающе интересными, восхитительно счастливыми событиями, возникли первые проблемы. Опыренный успехом, я согласился играть во все игры: беседовал с журналистами, подписывал книги для читателей, выступал на книжных салонах и конференциях. Я быстро привык к аромату популярности, заполнявшему все окружающее пространство. Дана знала меня лучше, чем я сам, и забеспокоилась первой.

– Ты все реже бываешь дома и почти не видишь Мэйан, а ей очень нужен отец, – сказала она как-то раз. – Ты занят работой, рекламной кампанией книги, а на жену и дочь времени не хватает.

– Потерпи еще немного. Роман отлично продается, так что я скоро уйду с работы и посвящу себя вам и писательству.

– Что ты такое говоришь? – удивилась Дана.

– А зачем обучать менеджменту пресыщенных боссов, если можно этого не делать?

– Но ты любишь свою работу!

– Любил... Да, любил, когда начинал. – Я занял оборонительную позицию.

– Не принимай поспешных решений, не зная, надолго ли хватит вдохновения! У тебя есть замысел следующего романа?

– Нет. Ничего определенного. Но, если я продолжу ходить на службу, точно ничего не сочиню.

– Первый роман ты написал, не уходя с работы.

– Условия игры изменились. Когда я начинал, никто ничего от меня не ждал и не назначал сроков сдачи.

– А теперь назначают?

– Да. Мой агент и издатель условились, что я буду писать по роману в год и сдавать рукопись к весне.

– Неужели ты согласился? – Дана пришла в ужас.

– Конечно! Это редкая удача, я не могу упустить свой шанс!

– Удача? Шанс? Творчество не подчиняется законам коммерции! – взорвалась моя жена. – Вдохновению плевать на сроки, оговоренные в договоре. Сейчас уже июнь!

– Ты права, но у меня есть еще полгода и...

– Надеешься успеть? Над первой книгой ты работал два года! – перебила меня Дана.

Этот спор стал одним из первых в нескончаемой череде размолвок, подорвавших наши отношения. В тот вечер я заметил в глазах жены ужас. Позже он превратился в досаду.

* * *

Мои агент и издатель разработали умелую маркетинговую стратегию, которая должна была обеспечить успех всем последующим романам и помочь мне в один прекрасный день свергнуть с престола Нормана Макколи. Правило было простым – писать по роману в год, по образцу и подобию первого, то есть замешивая интригу на *сантиментах, саспенсе и сексе*. Так родилось «правило трех С». Рецепт моего успеха.

Второй роман обогнал на финише книгу Макколи, и пресса признала мое первенство. Отзывы и рецензии были хвалебными, я вышел в лидеры и не собирался никому уступать «главенствующую высоту»

* * *

Успех пьянит человека, переносит в другую вселенную – туда, где все легко, приятно и радостно. Мне нравились дорогие рестораны и праздники, на которые меня приглашали, я мог тратить деньги без счета, останавливаться в лучших отелях, носить дорожные костюмы, водить роскошные машины. Мне нравилось ловить на себе восхищенно-завистливые взгляды окружающих. Я считал себя восходящей звездой на пороге славного будущего. У меня все получится.

Сначала Дану забавляли происходившие со мной перемены. Потом она стала упрекать меня за желание все решать в одиночку, говорила, что я отдаляюсь от них с Мэйан, чувствовала себя исключенной из мира, где я проводил все больше времени, ей не нравились люди, с которыми я общался.

Я совершил первую ошибку: желая поразить жену, купил браунстоун – роскошный дом из коричневого песчаника в элегантном и тихом «литературном» квартале Парк-Слоуп⁴. Такие дома составляют особое очарование Бруклина и некоторых других уголков Нью-Йорка. Мы часто гуляли по Парк Слоуп, мечтали поселиться там, чтобы нашими соседями стали любимые авторы – Пол Остер⁵, Дон Делилло⁶, Джонатан Франзен⁷ и Джонатан Сафран Фоер⁸ с женой Николь Краусс. Я ничего не сказал Дана, выбрал дом в нескольких десятках метров от Проспект-парка, миниатюрной копии Централ-парка на Манхэттене, и доверил оформление модному архитектору, благо авторские гонорары позволяли. Когда я впервые привел жену в наше новое жилище, она посмотрела на меня так, будто перестала узнавать.

«Это была наша общая мечта, и я хотела, чтобы мы осуществили ее вместе...» – произнесла она дрожащим голосом, расплакалась и убежала.

В конце концов мы переехали, Дана смирилась и сделала вид, что всем довольна, но я чувствовал, что она настороженно следит за тем, как я меняюсь. Моя жена не раз пыталась поговорить со мной по душам, но я отшучивался, чтобы избежать споров и ссор. Разве это не потрясающе – быть богатым и знаменитым?

Один разговор стал «началом конца» нашей истории, но я не сразу это понял – слишком уж упивался своим новым положением.

– Скажи честно, Сэмюэль, тебе самому нравится то, что ты пишешь?

– Да, – мгновенно отреагировал я и добавил после секундной паузы: – Кажется, да.

– Кажется? – удивилась Дана.

– Не цепляйся к словам! Мои романы нравятся публике, чтение отвлекает людей от каждодневных забот.

– Ты считаешь писателя кем-то вроде клоуна или волшебника?

– Не понимаю, чем ты недовольна! – взорвался я. – Разве плохо, что я зарабатываю деньги? Разве тебе не нравится жить в этом роскошном доме и водить красивую машину? Ты не рада, что наша дочь ходит в лучшую школу в городе?

По лицу Даны я понял, как жестоко она разочарована. Моя жена вдруг осознала, какая дистанция нас теперь разделяет.

⁴ Парк-Слоуп – район в западном Бруклине, штат Нью-Йорк, США. В 2010-м получил статус самого благополучного района Нью-Йорка.

⁵ Остер Пол Бенджамин (р. 1947) – американский писатель и переводчик, сценарист, работающий в рамках постмодернизма, абсурдизма и экзистенциализма.

⁶ Делилло Дональд Ричард «Дон» (р. 1936) – видный американский писатель-постмодернист.

⁷ Франзен Джонатан Эрл (р. 1959) – американский писатель-романист.

⁸ Фоер Джонатан Сафран (р. 1977) – американский писатель.

– Человек, за которого я вышла замуж, тот, кто написал замечательный дебютный роман, никогда не сказал бы ничего подобного.

– Человек, за которого ты вышла замуж, мечтал стать романистом! Почему же ты не радуешься, что его мечта сбылась?

– Нет, ты мечтал написать роман, а не стать жадным до успеха литератором, – покачала головой Дана.

Куда подевалась женщина, которая всегда меня поддерживала? Почему она сомневается во мне, что ее настораживает? Сегодня я понимаю, что ответ на эти вопросы кроется в природе женщин. Они наделены практическим знанием, позволяющим им понять, что хорошо для их семьи, а что может ей навредить. Женщины – хранительницы здравого смысла, они стараются сохранить накопленный опыт, включить каждый новый эпизод в историю жизни, которую пишут. У них собственный взгляд на сценарий, они сами себе режиссеры и актрисы. Они точно знают, когда наступит финал.

Дана почувствовала опасность, а я думал только о своем будущем романиста, славе и деньгах. В течение нескольких следующих месяцев она с усталым разочарованием наблюдала, как я отдаляюсь от семьи. Но конец отношениям положило другое событие. Вернее, череда событий.

Глава 5

Новые технологии способствуют моментальному распространению информации, но они же ускоряют деградацию человеческой породы.

Не знаю, вел бы я себя благоразумней, если бы в мою жизнь не вмешался Интернет, сумел бы избежать тухлого болота никчемных, пустых отношений. Не думаю. Проблема была во мне. Осуществив свои честолюбивые мечты, я потерпел фиаско в семейной жизни, и из останков приличного человека вылупилось эгоистичное чудовище, жаждавшее одного: удовлетворять свои аппетиты, какие бы низкие инстинкты их ни разжигали.

На сайте издательства и в социальных сетях читатели – в основном читательницы – восторженно обсуждали мои романы. В большинстве своем эти отзывы были сердечными и искренними. Самые романтические – и самые одинокие – дамы приписывали мне достоинства, которые отчаялись найти в своем окружении. Парадокс: в реальной жизни Дана видела во мне дрянного, жалкого мужа и бесполезного отца.

Некоторых читательниц больше всего интересовали эротические сцены, которых в моих книгах было великое множество. Поклонницы воображали, что сумеют соблазнить меня, увлечь, заставить ответить на их желания. Одни были настоящими распутницами – откровенными, часто очень забавными, другие – фантазерки – мечтали о виртуальном приключении или просто хотели испытать силу своих женских чар. Встречались и такие, кто, устав от однообразия, открыто предлагали себя (благо, общаясь в Интернете, можно законспирироваться). Известность – сильный афродизиак, способный растормошить даже убогую фантазию. Самые дерзкие описывали, чем хотели бы заняться, оказавшись наедине со мной, и присылали более чем откровенные фотографии, чтобы я назначил им свидание.

Сначала меня это забавляло, потом стало льстить. Я постепенно втягивался в их игры – из любопытства и желания пофлиртовать, не выходя за рамки супружеской верности, – но в конце концов сдался и встретился с одной из читательниц.

Уверенная в своей красоте, она прислала мне несколько портретных снимков, потом решила пойти дальше – фотографии становились все более смелыми и эротичными. Она сопровождала их комментариями, описывала сексуальные игры, которым мы могли бы предаться. Виртуальное общение очень меня развлекало, но со временем возжелание взяло верх над принципами, и, когда она предложила встретиться, я согласился – практически без угрызений совести. Я решил не думать о возможных последствиях принятого решения, пообещал себе, что поддамся искушению всего один раз, и заказал номер в «Микеланджело». Этот дорогой отель в нескольких шагах от Театрального квартала, между Таймс-сквер и Сен-трал-парком, стал местом моего падения. Приключение мне понравилось, и я, к собственному удивлению, не чувствовал себя виноватым.

Я менялся – и не замечал этого, все дальше уходя от того человека, которым был совсем недавно. Успех влияет на нашу жизнь, как поляризующий фильтр на пейзаж: смягчает отблески, сглаживает шероховатости, убирает контрасты, «разжижает» ценности. Итак, я забыл все данные себе обещания, начал встречаться с другими женщинами и всякий раз придумывал смягчающие обстоятельства: стресс из-за образа жизни, который приходится вести, разладившиеся отношения с Даной, ее нежелание понять меня и неспособность поддерживать, одиночество моего ремесла, а главное – то, как мало значили для меня эти женщины.

Я мог бы очень долго длить обман, но Дана узнала правду. Все вышло до противного банально: жену насторожило поведение мужа, она проверила его телефон, прочла мейлы и нашла доказательства измены. Дана не стала устраивать сцен, не потребовала объяснений,

не дала мне возможности оправдаться или соврать. Она покидала в чемодан вещи, усадила Мэйан в машину, посмотрела на меня – без ненависти, но с жалостью – и сказала:

– Ты пишешь дерьмовые книги и живешь дерьмовой жизнью. Мне очень тебя жалко.

Вот так она со мной распрощалась. Я не стал отвечать. Решил, что Дана просто хотела побольнее меня уколоть, что в ней говорили обида и уязвленная женская гордость. Она успокоится, остынет, мы встретимся, я вымолю прощение и верну ее домой.

Ничего подобного я не сделал: меня затянула адская круговерть жизни, которую я теперь вел, и мы больше не увиделись.

Глава 6

Через год после нашего расставания у Даны появился мужчина, и они стали жить вместе. Она с кроткой печалью следила за моим падением, жалея лишь о том, что наша дочь-подросток видит, как отца засасывает темная, мутная жизнь.

Я пытался сохранить отношения с Мэйан, но мы слишком редко виделись, скандальные статьи в желтой прессе подрывали мою репутацию, и девочка вела себя все враждебней.

Я лишился жены, отец из меня тоже не получался. Так кем же я был? Успешным писателем, выдающим по роману в год, донжуаном, нещадно эксплуатирующим свою известность.

Потеряв Дану, я утратил всякую сдержанность. Прежние демоны вернулись – известность пьянила меня, дарила ощущение всевластия, сдавая при этом фальшивые козыри. Дана не захотела быть моей спутницей в этом увлекательном приключении? Я ее разочаровал? Я утратил способность дарить ей мечты? Плевать на Дану – множество женщин видят во мне идеал мужчины! Да, они путают меня с героями моих романов, считая, что мужчина, который умеет так красиво говорить о любви и описывать эротические сцены, не может не быть великим романтиком и умелым любовником, и что с того?

Я завел на Фейсбуке страничку для поклонников, создал профиль, взяв себе имя героя первого романа, и на удивление быстро стал активным участником этого ресурса. Сила социальных сетей кроется в иллюзии, что каждую секунду может прийти сообщение, которое изменит вашу жизнь, ну, или хотя бы удивит, заставит улыбнуться.

Жизнь казалась мне простой и легкой. Мир на экране компьютера манил и искушал, виртуальный, ни к чему не обязывающий флирт побеждал природную сдержанность.

Я «охотился» на Фейсбуке, как мужчины понахальней – на дискотеке или на улице. У меня было преимущество перед хищниками одной со мной породы: известность привлекала читательниц на мою страничку, а среди них было много одиноких душ и истомившихся по ласке тел.

Один слом, как известно, часто влечет за собой другой: я начал пить и употреблять всякую дрянь, убеждая себя, что имею право развлечься, отдохнуть от работы или же, напротив, сконцентрироваться на новой книге, подстегнуть вдохновение. Я общался с сомнительными новыми «друзьями», которые, желая развести меня на деньги, не жалели лстивых слов. Я забыл о приличиях и утратил трезвость мысли, путал распад личности со свободой, сексуальные эскапады – со страстью, свои романы – с настоящей литературой.

Каждый год я на шесть месяцев выпадал из реальной жизни, чтобы сотворить очередную «нетленку», и все это время с миром – особенно с читательницами – меня связывал только Интернет.

Сдав рукопись в издательство и собираясь в рекламный тур по стране, я выбирал самую крутую из фанаток, например рок-звезду, и она становилась моей спутницей на одну или несколько ночей, составляя компанию в поездке.

Я никогда не соблазнял ни романтических дурочек, видевших во мне только автора с большой буквы – чистого сердцем, честного и благородного человека, – ни наивных простушек, которые отказывались верить в рассказы скандальных журналистов. Я старался соответствовать нафантазированному ими образу сентиментального писателя, слегка запутавшегося, одинокого, непонятого. Это наглое надувательство заглушало муки нечистой совести, позволяло хоть ненадолго почувствовать себя героем. Да, обмануть я пытался именно себя.

Чем больше проходило времени, чем активнее пополнялся список моих «побед», тем стремительней убегало от меня счастье. Алкоголь и наркотики расшатывали нервную

систему, нарушая душевное равновесие. В минуты просветления я делал попытки вернуться к нормальной жизни, снова стать приличным человеком, встретить новую любовь. Но все было втуне, и однажды, в момент очередного «помрачения», я нарушил собственный зарок насчет романтических фанаток.

Это была роковая ошибка.

Глава 7

Джессика написала мне на Фейсбуке, я взглянул на фотографию и сразу добавил ее в друзья.

Аватар⁹ может рассказать о многом, вот почему пользователи, знающие, как важно сразу привлечь к себе внимание, очень тщательно выбирают снимок. Я довольно быстро стал экспертом-физиогномистом¹⁰ и даже придумал собственную классификацию, позволявшую мне избегать «неудачных знакомств» и быстро вычислять подходящую «дичь».

Я с первого взгляда устанавливал типаж: романтическая, страстная, свободная, забавная, закомплексованная, счастливая, отчаявшаяся, оригиналка, интересная, властная, игристая, соблазнительная, зажатая, разочарованная.

Итак, гордыня затуманила мозг, выпустив на волю глупость и ненасытность.

Фотография Джессики Эванс мгновенно меня зацепила – она была не только невероятно хороша собой, но и ни на кого не похожа. Джессика не пыталась соблазнить, но очаровывала с первого взгляда. Девушка смотрела прямо в объектив, как будто бросала вызов фотографу, чувственные губы были слегка приоткрыты, но в ней не было ни капли вульгарности. Мне показалось, что Джессика хотела понравиться фотографу, и я, как это ни нелепо, приревновал к незнакомцу, получившему в дар ее красоту и застенчивость.

Я мог остановиться: безмятежная красавица определенно была влюблена в другого и потому не соответствовала моим требованиям. Но внутренний голос подсказывал, что нам суждено встретиться.

Я принадлежу к тому типу человеческих особей, которые отказываются верить, что мир подчинен логике, и пытаются разглядеть в мистических пространствах знаки, позволяющие сделать верный выбор. У такого подхода есть слабые стороны, но уж больно заманчивы возможности, которые дарует человеку подобное надмирное могущество.

Если я скажу, что, взглянув на лицо женщины – даже на фотографии! – мгновенно понимаю, сведем ли мы знакомство, подружимся или станем любовниками, вы, вероятно, назовете меня идеалистом, мечтателем, безумцем. Пусть так, но я все-таки отправил Джессике Эванс личное сообщение:

*Здравствуйте,
Рад знакомству.
Вы моя читательница?*

Ответ пришел на следующий день:

*Спасибо, спасибо, спасибо! Неужели я правда говорю с Автором?
Поверить не могу! Ну конечно, я – одна из ваших многочисленных
читательниц-почитательниц. Я совсем недавно открыла для себя ваши
книги и сразу полюбила мир ваших героев, манеру письма и то, как вы
описываете чувства. Любовь в ваших романах прекрасна.*

Последняя фраза меня зацепила. Возможно, она совсем не так счастлива, как хочет показать? Я поблагодарил Джессику и решил подтолкнуть ее к большей откровенности.

⁹ Аватар, аватара – графическое представление пользователя, картинка его профиля в веб-форумах, мессенджерах, чатах, порталах, блогах, социальных сетях.

¹⁰ Физиогномика – наука, которая по чертам лица человека и его внешнему виду определяет характер, темперамент, таланты, способности, внутреннее состояние человека.

А разве в жизни не так? На фотографиях вы кажетесь влюбленной, сияющей от радости.

Ее ответ привел меня в замешательство:

Вы правы, у меня как будто все есть для счастья, но ваши романы иногда заставляют усомниться, счастлива ли я. Нет-нет да и появится мысль поискать другой путь...

Вы замечали, как важны многоточия в разговоре между двумя людьми, которые затевают игру в обольщение и пытаются оценить свои шансы? Эти три маленькие точки заменяют все слова, которые хочется сказать или прочесть. Я уловил в многоточиях Джессики привкус разочарования, о котором она пока не решалась заговорить, но давала мне возможность сыграть роль утешителя. В них был призыв к терпению. Даже обещание: «Продолжение следует, хочешь стать его частью – подожди...»

Тон следующего письма Джессики был более легким, она шутила, задавала вопросы о персонажах моих книг, о том, как я работаю и какую жизнь веду. Настал мой черед задавать вопросы, и я узнал, что она живет в Филадельфии и работает в страховой компании. Виртуальные встречи продолжились, разговоры становились все более содержательными, и чувство сообщничества, взаимное желание очаровать собеседника постепенно сменялось радостью открытия.

Вначале Джессика почти не говорила о человеке, которому улыбалась на фотографиях, потом стала откровеннее, и по некоторым намекам и недомолвкам я понял, что он ревнив и недостаточно эмоционален. Мне показалось, что это приглашение: «Докажи, что не все мужчины таковы!»

Наши отношения были вполне невинными, даже детскими, очень нежными и предупредительными. Джессика выходила в Сеть только в рабочее время, и я с юношеским нетерпением ждал этих моментов, а когда общение заканчивалось, еще долго пребывал в эйфории.

Итак, я влюбился и дня не мог прожить без разговора с Джессикой. Она рассказывала о себе меньше, чем мне бы хотелось, и я пытался домыслить остальное, представить, как она держится, как ходит, разговаривает, улыбается, что ее радует, а что огорчает. В общем, я вел себя как писатель, придумывающий героиню новой книги. Джессика описывала своих коллег и начальника – человека вспыльчивого, но привлекательного, – рассказывала, что читает. Ей одной я мог признаться, как устал писать романы, которыми она восхищается. Джессика успокаивала меня, подбадривала и делала это так же мягко и тактично, как Дана... в наши лучшие времена. Я нуждался в поддержке Джессики, хотел, чтобы она меня слушала – и понимала. Эта женщина была мне необходима. Я больше не желал обитать среди вымышленных персонажей, просиживать часами перед компьютером, заниматься любовью со случайными партнершами, разыгрывать на людях крутого парня, а потом плясать в телевизор и лить слезы над какой-нибудь слащавой мелодрамой.

Однажды мое настроение так сильно огорчило Джессику, что она дала мне номер мобильного и разрешила позвонить в обеденный перерыв. Ее голос звучал естественно, она шутила и смеялась, но я уловил и некоторое смущение – слишком уж быстро все развивалось.

Наши отношения балансировали между искренней дружбой и игрой в обольщение. Джессике нравилось быть конфиденткой любимого писателя, а я радовался, что кое-что значу для этой чистой души и могу ей довериться, не опасаясь осуждения. Я жаждал личной встречи, но, стоило мне не то что заговорить – просто заикнуться об этом, – и тон Джессики становился уклончивым: «тень» мужа не позволяла ей даже помыслить о таком.

Я закончил очередной роман и погрузился в «послеродовую депрессию», связанную с усталостью и выходом из затворничества. Джессика наотрез отказывалась встречаться,

я разозлился, стал реже выходить в Сеть и не звонил ей – только посылал ни к чему не обязывающие эсэмэски. Днем я спал, а вечером пил, соблазнял поклонниц, подцеплял незнакомок в клубах или на светских вечеринках и скатывался все ниже. Джессика почувствовала, что мы отделились, и забеспокоилась – начала писать чаще, призналась, что ей меня не хватает. Я стоял на своем: долой виртуальную реальность! Хочу видеть вас воочию, слышать наяву, касаться, осязать. Джессика просила меня не упрямиться и не давить на нее, случай обязательно представится. Через несколько недель так и произошло. Муж Джессики собрался на два дня в командировку, она сообщила, что высвободит вечер, и я согласился, не колеблясь ни секунды.

Джессика радовалась нашей встрече, хотя ей было непросто решиться. Она сомневалась, беспокоилась, чувствовала себя виноватой, потому что обманула мужа, сказав, что не хочет оставаться одна и заночует у подруги. Я знал, как мучительна для нее эта ложь, она стала первым «заусенцем» в ее нравственном кодексе. И все-таки Джессика была счастлива и возбуждена перспективой любовного свидания.

Я вдруг испугался разочарования. Что, если «наяву» эта женщина окажется не такой уж интересной и привлекательной? В конце концов, добрая половина качеств, которыми я ее наделил, были плодом моей фантазии. Джессика могла обмануть меня – я не раз сталкивался с фантазерками и выдумщицами. Некоторые придумывали себе образ, напоминающий героинь моих романов, другие надеялись вдохновить меня на написание новой истории, но я всех их разоблачал – иногда при первой же личной встрече. «Нет, Джессика не из таких. Она искренняя, настоящая, цельная», – убеждал я себя.

Я приехал в отель «Риттенхаус», принял душ, переоделся и вызвал такси. Свидание было назначено в ресторане «Джеффрис» в центре города, напротив Сити-Холла. Он славился своей кухней и изысканной обстановкой, кроме того, в зале было много укромно расположенных столиков с видом на ратушу: здание, в стиле Второй империи¹¹, слегка напоминало Лувр и контрастировало с холодной архитектурой окружающих домов. Джессика не ожидала, что окажется в таком шикарном и изысканном месте, и ужасно боялась, что нас увидят вместе. Я хотел, чтобы наша первая встреча прошла в незабываемой обстановке, и постарался ее успокоить.

Когда я вошел, она уже сидела за столиком в нише, в дальнем конце зала, и, увидев меня, подняла руку и улыбнулась. Я прочел в ее взгляде смятение.

– Ты же не станешь изображать оробевшую фанатку, – со смехом бросил я. – Мы хоть и недолго, но знакомы!

– Конечно, но... сейчас все иначе... реально.

В первые минуты Джессике было ужасно неловко. Подобно всем женщинам, с которыми я встречался, она пыталась контролировать ситуацию, следила за своими словами и жестами, чтобы соответствовать себе «виртуальной». Потом успокоилась, поняла, что нравится мне, и расслабилась. Я был рад, что не обманулся в своих ожиданиях: Джессика совершенно меня очаровала. Ее застенчивость трогала, а сомнения забавляли. Я задавал вопрос за вопросом, вознамерившись подобраться к ней поближе через воспоминания. Я хотел как можно больше узнать о детстве Джессики и ее семье, мне нужны были детали, и она с удовольствием рассказывала свою историю.

Мои предположения касательно личной жизни Джессики оказались верными: на фотографиях она выглядела победительно счастливой, но за внешней беззаботностью скрывалась неудовлетворенность. Я понимал, что это как-то связано с ее мужем. Мне не нужны были

¹¹ Стиль Второй империи, или Второй ампира (Франция, 1852–1870), – смесь французского классицизма с элементами ампира, Ренессанса и барокко. Известный символ стиля – здание Гранд Опера в Париже архитектора Шарля Гарнье.

признания – тоскливый взгляд, слишком громкий смех, готовый в любой момент сорваться в плач, говорили сами за себя.

Мы не сводили друг с друга глаз, улыбались, чувствовали, как обоюдное желание электризует атмосферу вокруг нас, и задыхались от нетерпеливого ожидания.

У входа в отель я спросил:

– Ты уверена, что хочешь...

– Не нужно вопросов, прошу тебя! – Джессика взяла меня за руку.

Мы занимались любовью со страстью и нежностью и не испытывали никакой неловкости. Потом она вызвала такси, торопливо приняла душ, оделась и ушла. В этой поспешности угадывались стыд, чувство вины, паника и страх.

Я лежал, зарывшись лицом в простыни, вдыхал пьянящий аромат ее духов и чувствовал себя счастливым. Да, я был счастлив своими чувствами, мне не терпелось снова увидеть Джессику – сейчас, немедленно! Увы...

* * *

На следующий день она мне написала:

Мне не хватит сил на двойную жизнь. Я ужасно себя чувствую, но ты ни при чем. Во всем виновата я одна. Прости, но... мы больше не увидимся. Не пытайся со мной связаться. И не суди меня слишком строго.

Я почувствовал себя ужасно уязвленным и сел писать ответ, но тут она удалила меня из друзей и заблокировала доступ на свою страницу. Трудно передать, какое бешенство мною овладело. Да как она посмела?! Как могла так грубо разорвать отношения?

Я пытался успокоиться, убеждал себя, что Джессика приняла решение поспешно, под воздействием эмоций, чтобы заглушить чувство вины. Случившееся потрясло ее, поразило, она просто испугалась. Ничего, через несколько дней опомнится и вернется ко мне.

Все это нашептала мне гордыня. А интуиция почему-то молчала.

Глава 8

Прошел месяц, но Джессика не вернулась. Лихорадочное ожидание сменилось гневом, потом замешательством. Я звонил, посылал эсэмэски, говорил, что все понимаю, зывал к чувствам, убеждал, что не могу без нее, что мы должны объясниться. В конце концов она ответила – одной фразой:

Оставь меня в покое, Сэмюэль, уважай мой выбор.

Это была не просьба – требование. Я взбесился. Джессика все решила за нас двоих и категорически отказалась встречаться. Я начал оскорблять ее, писал, что она ничем не лучше тех баб, которые встречались со мной только для того, чтобы воплотить в жизнь собственные фантазии и потом хвастаться подругам, что соблазнили известного романиста. «Ты поступила еще подлей, скрыв коварство под маской интереса и любви!»

Я сознательно растревлял себя, надеясь, что злость заглушит сердечную обиду, говорил себе: «Она того не стоит!» Вечера я проводил с Деннисом – мы сошлись, когда я переехал в шикарный дом в Нижнем Ист-Сайде, населенный в основном богатыми бизнесменами. Он руководил крупной компанией, разрабатывающей приложения для мобильных телефонов. Деннис стал моим верным спутником, проводником по модным заведениям города, виночерпием и личным дилером. Сначала я «взбадривал» себя, чтобы прогнать тоску и поднять настроение, потом осознал, что и вдохновение больше не могу приманить без таблеток или порошка.

Воспоминания о Джессике преследовали меня много долгих месяцев. Почему я не мог справиться с тоской и разочарованием, что меня так злило? Влюбился я или всему виной оскорбленная мужская гордость?

Любовная осечка случилась аккурат в тот самый момент, когда я почти утратил веру в себя. Устал сочинять одни и те же истории, утомился играть роль знаменитого романиста. Между тем, следовало продолжать, штампуя легкие сентиментальные вещицы. Не знаю, кто сказал, что писателем может быть лишь несчастливый человек, что только душевная боль позволяет сочинять красивые тексты. Я начал писать беллетризованную автобиографию и получал удовольствие, рассказывая о своей жизни. Увы, издатели ждали от меня другого. Я был обречен оставаться в жестких рамках, куда меня загнали гении маркетинга. Когда в моей жизни появилась Джессика, я как будто вернул себе утраченную часть души. Но она меня не хотела. Я ее не заслуживал.

Чтобы не погибнуть, приходилось усыплять тоску, топить сомнения в иллюзорном алкогольном веселье, прятаться от разочарования в романах-однодневках.

У меня получилось, и я встретил Рейчел.

Глава 9

Ресторан «Храм наслаждения» в Гринвич-Виллидж, как и следовало из названия, находился в здании бывшей церкви. Современный декор хорошо сочетался со старыми камнями, которые счастливо пережили рискованное обновление. Картины на религиозные сюжеты мирно соседствовали с современными полотнами, чья сексуальная коннотация придавала заведению флёр богохульности. В «Храме наслаждения» бывала богема, захаживали бизнесмены, цены были заоблачные, а бдительные охранники даже близко не подпускали любопытных зевак и папарацци.

Рейчел любила ходить в «Храм». Ей нравилось ловить взгляды посетителей, она радовалась, если какая-нибудь знаменитость останавливалась у нашего столика, и я представлял ее. Она была помощницей Денниса. Мы познакомились на приеме, организованном его фирмой. Джессика понравилась мне, потому что напоминала Дану, Рейчел – по прямо противоположной причине. Эта двадцатишестилетняя красотка была достаточно распутна, чтобы заставить меня забыть былых застенчивых возлюбленных. Вызывающая красота новой возлюбленной залечила мои раны. Она прочла все, что я написал, и некоторые романы ей понравились.

Мы провели вместе одну ночь, потом другую и определили рамки наших отношений: будем видеться время от времени, уважать свободу друг друга и – главное – не станем ни в чем требовать отчета. Сделку предложил я, а Рейчел поспешила согласиться – хотела «соответствовать», боялась, что брошу, – хотя ситуация ей не нравилась. Время шло, она обживалась в роли моей подружки и выжидала удобного момента, чтобы предъявить на меня права. Рейчел очень польстила наша фотография в глянцевого журнале и заметка в колонке светских новостей, где ее назвали «новой возлюбленной модного писателя». Все это устроил Нэйтан, мой литературный агент, считавший, что образ писателя-романтика несовместим с сомнительной славой серийного соблазнителя. Одно время Нэйтан пытался объяснять мои ночные эскапады отчаянным поиском любви, называл меня ранимым идеалистом, которого вечно предадут женщины, но мои похождения и загулы сводили на нет все эти усилия. Рейчел, по его мнению, была слишком молода для меня, но появилась очень вовремя и вполне годилась на роль подруги модного автора, с которой преданные читательницы могли бы себя идентифицировать.

– Когда ты уезжаешь? – спросила она, незаметно оглядываясь по сторонам.

– Через две недели. Три встречи с читателями в книжных магазинах в Вашингтоне.

– Люблю Вашингтон...

Она выдержала трехсекундную паузу, ожидая, что я позову ее присоединиться. По нашему уговору инициатива всегда должна была исходить от меня, но я брал Рейчел в поездку всего два или три раза – хотел чувствовать себя свободным. Она подозревала, что в турне я путаюсь с поклонницами, но делала вид, что ей все равно, хотя количество мероприятий, приуроченных к выходу нового романа, наводило на печальную мысль, что наша история близится к финалу.

Я проигнорировал последнее замечание моей подруги, глотнул «Quintessa»¹² и спросил:

– Понравилось? Это калифорнийское вино создала одна вдохновенная супружеская пара¹³. Потрясающая удача!

Рейчел поднесла бокал к губам и изобразила одобрение.

¹² «Quintessa» – красное вино с виноградников на холмах в центре долины Напа (Калифорния, США).

¹³ Винодельня Quintessa – проект чилийских виноделов Гунеуса и его жены Валерии, живущих в Калифорнии.

– Вино, и правда, отличное, но... я бы лучше выпила шампанского.

Улыбка выдавала ее разочарование. Она едва заметно поморщилась и отвела взгляд, давая понять: «Ты мне неинтересен, ты виноват передо мной, ты черствый злой ублюдок, ты – обманщик!»

Женщины, подобные Рейчел, всегда дико меня раздражали, я терпеть не могу потакать желаниям и капризам томных красоток, которые считают, что весь мир – их вотчина и каждый мужчина должен кружить по их орбите, как Луна вокруг Земли. Но Рейчел помогала мне не слететь с катушек, и я закрывал глаза на недостатки. Мне нравились ее молодость, красота, элегантность и чувственность. Интеллектуального в наших отношениях было мало, но физически она меня очень привлекала.

– Смотри, там Норман Макколи! – воскликнула она.

В зал в сопровождении своего агента Роберта Салливана вошел мой главный конкурент.

Салливан заметил и «расстрелял» взглядом, а застенчивый Макколи, понуря голову, направился к дальнему столику. Роберт Салливан питал ко мне огромную, просто запредельную ненависть. Он считал, что я сбросил с трона его питомца, используя грязные приемчики. По мнению Салливана, я был жалким плагиатором – позаимствовал сюжеты, названия и даже обложки книг Макколи и «улучшил» их, сдобрив «аморальной эротической составляющей».

Забыв на время о своем протее, Салливан ринулся ко мне, как разъяренный бык к матадору.

– Какого черта ты здесь забыл? – заорал он, брызжа слюной.

– Мне тоже очень приятно вас видеть, – съязвил я.

– Пришел помотать нам нервы? Ты прекрасно знаешь, что мы с Норманом устраиваем встречи именно в этом ресторане!

– Как и половина городских знаменитостей.

– Долго собираешься обезьянничать? – ехидно поинтересовался Салливан.

– Ну, к портному вашему я точно не пойду, никогда не любил профессорский стиль – вельветовый пиджак, ботинки на микропоре...

– Надо же, ты и шутить умеешь, а не только чужие идеи красть! Добавь юмора в свои романчики, может, станут повыразительней.

Мерзавец все-таки достал меня, и я решил не церемониться.

– Я пришел, чтобы приятно провести время в компании умопомрачительной красавицы, а твое присутствие портит мне все удовольствие. Так что вымести злобу на слабонервных.

– Думаешь, я злюсь?

Салливан перегнулся через стол и уставился на меня, скорчив зверскую рожу.

– Скоро узнаешь, на что я способен, если меня по-настоящему разозлить, – прошипел он сквозь зубы.

– Ты меня ужасно напугал... – поддразнил я, слегка удивившись угрозам.

Он выпрямился, кивнул Рейчел – то ли извинился, то ли попрощался – и вернулся к Норману Макколи.

– Ужасный человек! У меня от него кровь стынет, – пожаловалась моя спутница.

– Он просто болтает, давит на психику...

Я попытался успокоить Рейчел, но злоба, плескавшаяся в глазах Салливана, серьезно меня встревожила.

* * *

Мы отправились ко мне, решив утешиться в койке, и вполне преуспели.

– Скажи мне, Сэм... что я для тебя значу? – спросила Рейчел, перекатившись на живот.

Я погладил ее по плечу и промолчал – в надежде, что она сменит тему.

– Подружка? Любовница? Или нечто большее? – не отставала она.

Отвертеться не удалось, понял я. Мы никогда не обсуждали наши отношения, но они длились достаточно долго, так что Рейчел имела законное право поинтересоваться.

– Ты красивая, свободная, суперсексуальная женщина.

«Неплохая попытка, приятель...»

– Я не о том спрашиваю. Кто я для тебя?

Нужно было срочно найти выход – приемлемый для эго Рейчел и безопасный для меня.

– Ты – объект моих фантазий, героиня моей последней чудесной истории, риф, за который я уцепился, чтобы не пойти ко дну...

– Брось свои писательские выкрутасы! – Рейчел засмеялась. – Слова красивые, но пустые.

– Не могу определить наши отношения, – сдался я. – Мне с тобой хорошо, о большем я не задумываюсь.

Рейчел сделала забавную гримаску, и я понял, что она решила временно ослабить хватку.

Что еще я мог ей сказать? Что не могу ответить на вопрос «Кто я для тебя?», потому что и про себя ничего не понимаю? Что в те моменты, когда я мыслю трезво, мне становится ясно, как далеко я ушел от себя настоящего? Что я ненавижу себя так сильно, что даже в зеркало стараюсь не смотреть? Что утратил способность любить и ей нет места в моей жизни?

– Поедешь со мной в Майами? – спросил я в порыве виноватой нежности. – Там у меня будет больше свободного времени.

Лицо Рейчел прояснилось. Она ответила мне благодарным взглядом, а я вдруг осознал, что сделанное предложение никак не связано с моими или ее чувствами. Я не выбирал Майами – все встречи назначала пресс-секретарь.

Я ощутил себя смешным ничтожеством.

Я научился жить во лжи, но жалкие остатки принципов подавали сигналы «SOS», недоушенный внутренний голос нашептывал: «Ты сам во всем виноват...»

Глава 10

Нэйтан Санчез: рост – метр девяносто, сто тридцать кило мускулов и жира, крепкий, но неуклюжий. Телосложением мой агент напоминал скорее регбиста из «Олл Блэкс»¹⁴, а никак не утонченного эстета.

Именно этот человек защищал мои авторские права и зорко следил за «монетизацией» моих усилий. Его внешний вид внушал почтение, голос грохотал, сипел и хрипел, затаивался, а потом вдруг выдавал надрывные, астматически высокие ноты. В Нэйтане совершенно отсутствовала элегантность, зато он был наделен особой харизмой, какой обладают некоторые проходимцы и бандиты, умело скрывающие силу и разрушительную ярость за внешней бесстрашностью.

Нэйтан был склонен к крайностям. Он выплескивал свою чрезмерность на окружающих, слишком много ел, прикуривал одну сигарету от другой, изрыгал на вас поток фраз, захлебывался словами, багровел, насадно кашлял, замирал на грани аполексического удара, но даже в такие моменты его ум не дремал, а крокодильи глаза зорко следили, как бы кто не воспользовался его слабостью и не напал.

Он был моим другом – одним из немногих – и наперсником. Я мог в любое время дня и ночи зайти к нему без предупреждения или позвонить – просто так, чтобы отвести душу. Стол Нэйтана был вечно завален бумагами, папками и рукописями. Он запрещал помощнице наводить порядок, заявляя, что способен найти любой документ за тридцать секунд.

– Я планирую добиться пятнадцатипроцентного прироста, – объявил он.

– И каким же способом?

Я тут же пожалел, что спросил: мне в отличие от Нэйтана никогда не нравилось обсуждать цифры.

Он улыбнулся, затаился любимым «Винстоном» – закон о запрете курения на рабочих местах на моего агента не распространялся – и пустился в объяснения, доказывая, что девятый роман побьет все рекорды.

– Ну, что думаешь?

– Ты прав – как всегда.

Мой голос выдал полное отсутствие интереса к теме. Нэйтан насупился, посмотрел мне в глаза, как будто надеялся прочесть мои мысли, и выдохнул дым.

– Что с тобой происходит, Сэмюэль?

– Ничего.

– Не ври! Что-то не так, я чувствую. Можешь мне довериться.

– Я просто... устал. Мне нужно время для себя, хочу остановиться, оглянуться, понять, к чему пришел.

– Ясно. Может, отправишься на несколько дней за границу, развеешься, глядишь – настроение и улучшится?

– Нескольких дней будет мало. Я хочу взять паузу – на год, может, на два...

Нэйтан нервным движением раздавил окурочек в пепельнице.

– Шутишь?

– Серьезен как никогда. Я должен перевести дух.

– Ты прекрасно знаешь, что договор тебе этого не позволяет! – вышел из себя Нэйтан. – Роман в год, к точной дате!

¹⁴ Сборная Новой Зеландии по регби (англ. All Blacks – «Полностью черные») – национальная команда, представляющая Новую Зеландию в международных матчах и соревнованиях по регби.

– Мой договор с издательством скоро истекает, значит, ты можешь все устроить. Издатель поймет, что мне необходимо восстановить силы.

– Даже не надейся. Он понимает одно – логику рынка, а она очевидна: читатели каждую весну ждут выхода новой книги. Если они ее не получают, переметнутся к Норману Макколи.

– Глупости! Нас с Норманом читают одни и те же люди.

– Как бы не так! Ты его «сделал», и теперь твоя аудитория намного шире. Нельзя оставлять конкурента одного на дистанции, это навредит твоему имиджу. Свято место пусто не бывает – даже второе место, и его сразу займет один из аутсайдеров, на которых делают ставку конкурирующие издательства. Тебя выбьют из седла!

– Черт побери, Нэйтан, мы о романах говорим или о скачках?

– Не умничай и не придирайся к словам. Наш Господин Издатель делает на тебе огромные деньги, так что вольную ты никогда не получишь.

– Я жалею, что устал, что мне невыносимо скучно, а ты снова о презренном металле!

– И что с того? – рыкнул он. – Ты разве не знаешь, что стал ходячим предприятием? За твой счет живет куча бездарей, окопавшихся в издательстве. Ты хоть раз слышал, чтобы патрон заявил: «Я устал как собака и решил удалиться от дел – на год-другой, – а вы тут разгребите проблемы и прикройте лавочку!»?

Я вздохнул, побежденный логикой его рассуждений.

– Прибереги красноречие для другого случая, Нэйтан. Ты тысячу раз прав, но я устал от этого книжного конвейера, мне обрыдло.

– Не хватает вдохновения? Не беда! Ты не первый. На Макколи теперь работают «литературные негры». Захочешь – найму для тебя лучших. Не волнуйся, писать они за тебя не будут, но помогут разрабатывать идеи, выстраивать сюжетные линии, оттачивать интригу.

– Я не о том, Нэйтан. Сколько можно бултыхаться в одном и том же болоте, готовить варево по одному и тому же рецепту?

– Тебе набило оскомину твое имя – Сэмюэль С. Сандерсон – или большая триада «Сантименты – Саспенс – Секс»? Она превратила тебя в успешного автора, позволяет каждый год зарабатывать миллион долларов!

– И что с того? Я написал один хороший роман – первый, а потом мусолил ту же историю, меняя только имена и географические названия...

– Бред свинячий! – перебил меня Нэйтан. – В каждой твоей вещи есть оригинальная интрига, все вокруг превозносят до небес твой творческий гений, твоё воображение. Не забыл, что один роман даже экранизировали?

– Один из восьми! И фильм получился дерьмовый!

– Да, потому что режиссер был никудышный!

Мы вели сугубо бесполезный разговор. Я заключил договор с одним из крупнейших издательств страны и обязан был кропать романы, следуя раз и навсегда определенной бизнес-модели, покуда хватит сил и здоровья или не иссякнет интерес читателей. Но я хотел выговориться, объяснить простыми словами, что со мной не так.

– Я стою больше, Нэйтан, и знаю это.

– Больше, чем миллионы долларов?

– Завязывай разговоры о деньгах! Я готов остановиться прямо сейчас – бабок мне хватит до конца жизни. Речь о литературе. Я могу писать великие романы.

– Что ты называешь «великими романами»? Интеллектуальные «размышлизмы», интересные разве что сотне читателей да паре яйцеголовых критиков?

– А почему нет? Нечего надо мной потешаться. Многие хорошие авторы выпускают по серьезной книге в год и имеют бешеный успех. Ты же сам любишь такую литературу, я точно знаю.

Нэйтан пожал плечами, закурил очередную сигарету, сильно затянулся и выпустил дым из ноздрей. Мне показалось, что он лихорадочно обдумывает план, способный нейтрализовать мои «настроения».

– Ну что же, пиши этот... это произведение, – наконец произнес он.

– Не понимаю...

– Сочиняй очередную вещь для издательства, а параллельно твори «Великую Книгу». Закончишь – издадим ее... под псевдонимом.

– Зачем? – изумился я. – Не хочешь сбивать с толку моих читателей?

Нэйтан чуть прикрыл глаза, как сытая рептилия, насупил кустистые брови и спросил:

– Тебе нужно больше правды и искренности? Понимаю – и уважаю. Но в таком случае как ты можешь даже думать о том, чтобы опубликовать под собственным именем текст в совершенно ином стиле? Если читателям понравится, ты решишь, что обязан успехом былой славе, а не качеству текста. Псевдоним, неизвестное имя на обложке застрахует тебя от сомнений.

– Рассуждение иезуитское, но справедливое.

– Ничего нового я не придумал. Псевдоним – верное средство, многие им пользовались. Эмили Бронте однажды даже «поменяла» пол – на обложке «Грозowego перевала» стоит мужское имя Эллис Белл. Стивен Кинг подписывался Ричардом Бахманом.

– Да знаю я, знаю. Француз Ромен Гари писал романы под именем Эмиля Ажара и дважды получил Гонкуровскую премию. Борис Виан использовал множество псевдонимов.

– Ты уже приступил?

– Набросал несколько идей, – признался я.

Я действительно написал около пятидесяти страниц, начал три года назад и время от времени возвращался к тексту – когда ясно мыслил или был в таком отчаянии, что не мог сочинять очередную сентиментальную историю, хотя делал это на автопилоте. Я нашел все нужные слова, созрел эмоционально, но мне хронически не хватало времени, да и голова была все время занята другим.

– И какой же жанр ты выбрал?

– Это будет автобиография... автобиографический роман.

– Интересно. Выдумки на тему «о себе» сейчас не слишком популярны, но есть авторы, которые это умеют. – Нэйтан помолчал, прикидывая варианты, потом продолжил: – А ведь идея и правда отличная. Может получится, если сделать все по-умному! Издадим под псевдонимом, посмотрим, как будет продаваться – если пойдет хорошо, напишешь еще пару книжек, а в подходящий момент соберем прессу и объявим, кто автор романов. Выйдет сенсация!

Нэйтан увлекся и воодушевился – наверняка представил себе заголовки в газетах, доход от продажи прав и другие выгоды, которые можно будет извлечь из нового проекта.

– А если мгновенного успеха не добьешься – мало ли что? – устроим утечку, и все узнают, что в новом жанре решил поработать... кто бы вы думали? Наш любимый Сэм Сандерсон! Изумление, шум, споры, скандал... успех. Но роман для Господина Издателя написать все равно придется, – будничным тоном добавил он.

– Понимаю... – Я на всякий случай изобразил смирение.

Он проводил меня до двери, положил широкую лапищу на плечо и сказал:

– Знаешь, в твоей реакции нет ничего удивительного. Человек всегда хочет не того, что имеет, но страстная тяга к переменам делит людей на две категории. Первую составляют те, кто всё бросает и отправляется на поиски... «чего-то другого». Почти все безбашенные идеалисты проигрывают, чувствуют неудовлетворенность, начинают ненавидеть окружающих, иногда даже сходят с ума. Очень немногие достигают цели... но какой ценой? Во вторую категорию входят *благоразумники*. Классное определение, верно? Моё! Так вот, эти,

прежде чем очертя голову кинуться в авантюру, укрепляют позиции и подстилают соломку. Они знают: если ничего не выйдет, можно будет спокойно вернуться к отправной точке. Их жизнь четко распланирована, метания им не свойственны.

Я никогда не доверял рассуждениям, которые начинаются фразой «Люди делятся на две категории...». Теории, основанные на дихотомическом видении мира, убоги, ведь красота любой идеи кроется в нюансах и деталях. Нэйтан был человеком неглупым, но уж очень спокойным, вот и придумывал всяческие псевдотеории, призванные доказать, что он – великий «человековед», умеет разгадывать знаки, интерпретировать туманные послания и разрабатывать победительные стратегии.

Я прекрасно осознавал, к какой категории – по классификации Нэйтана – отношусь. Я был из тех, кто всё бросил и всё потерял из-за иллюзорных ожиданий.

Следующая остановка – безумие...

Глава 11

Первый инцидент произошел, когда я дописывал девятый роман.

Придуманная история мне не нравилась, герои своими не стали. Я старался развить сюжет, сделать интригу позатейливей, разработать характеры – в надежде, что в какой-то момент они пробудят во мне интерес. Так мы углубляем отношения с новым знакомым, ожидая, что он раскроет нам тайны своей личности. Увы, магия не работала, и я был в унынии. На то, чтобы закончить рукопись, оставался всего месяц, а я выдохся и не мог усидеть дома, за компьютером. Приходилось прибегать к стимуляторам – тем самым, что помогают сконцентрироваться и возбуждают творческое начало. Если накатывала тоска, я пил.

Деннис появился в неудачный момент – я никак не мог начать очередную главу.

Он налил себе выпить и спросил:

– Как идут дела?

– Плохо.

– То есть?

– История – баракло, герои – придурки...

– Понимаю...

– Что ты понимаешь?

Он пожал плечами, предлагая закрыть тему.

– Я знаю, что ты думаешь, – продолжил я. – Тебе никогда не нравились мои романы.

– А я никогда этого не скрывал. Сочинения твои я действительно не люблю, зато восхищен твоим маркетинговым гением.

– Маркетинговый гений... – раздосадованным тоном повторил я.

– Пока не осознаешь, что твои романы – продукт, а ты бизнесмен, будешь испытывать дискомфорт. Нужно оптимизировать процесс.

– Класс! Ты умеешь поднять настроение. Теперь я, оказывается, возглавляю предприятие. Возможно, мне следует получить сертификат качества.

– Ну я же говорил, что ты – гений! Первый автор с сертификатом ISO!¹⁵ – пошутил он. – Одевайся, ты идешь со мной. Друзья устраивают фантастическую вечеринку в модном клубе. Заеду через час.

Это был приказ, а не предложение, и я подчинился, чувствуя себя слишком усталым, чтобы писать.

* * *

Деннис проводил меня до дверей.

– Справишься? – спросил он.

– Не беспокойся.

– Подожди, дай я сам открою.

Он зажег свет и посмотрел на меня.

– Ты пьян до изумления! Ведешь себя, как... дурак.

– Я выпил не больше и не меньше обычного. – Язык у меня заплетался. – Просто сегодня вечером я был уязвимей, чем вчера.

– Многие заметили, что ты пьян, такая неосторожность вредит репутации.

¹⁵ ISO – серия международных стандартов, описывающих требования к системе менеджмента качества организаций и предприятий. Соответствие требованиям ISO свидетельствует об уровне надежности поставщика и добротности его компании.

– Да в гробу я их видал...

– Ладно, позвони, если станет плохо. У меня есть дубликат твоих ключей, если не забыл.

Я остался один. Комната раскачивалась, мебель приплясывала, но алкоголь все еще веселил кровь. Я разделся, плюхнулся на диван и решил заглянуть в Фейсбук. Почитал новости, похихикал над наивностью некоторых пользователей, которые изливают душу незнакомым людям. Ничего нового для меня в этом не было, но в нетрезвом состоянии желание привлечь к себе внимание почему-то показалось дико нелепым. Я засмеялся, как безумный, сначала тихо, потом во все горло, и ржал, пока усталость не сморила меня.

* * *

Мне показалось, что телефон надрывается у меня в голове, как будто измученный мозг молит о пощаде. Потом я понял, что звук реален и человек, набирающий номер, знает, что я сплю, и пытается разбудить меня. Плохая новость? Первой была мысль о Мэйан: я испугался. Я встал, схватил телефон.

– Что ты творишь, черт бы тебя побрал?

Я успокоился, узнав голос Нэйтана, но тон меня удивил – с «любимым автором» он всегда был подчеркнута вежлив и спокоен.

– Что? О чем ты...

– Меня достали телефонные звонки! – Он метал громы и молнии. – Ты рехнулся или как?

– Ты о чем?

– О послании, которое ты ночью опубликовал на Фейсбуке!

– Что за послание?

– То самое, твоим читателям! Ты что, был не в себе?

– Подожди...

Я протянул руку за ноутбуком, который остался включенным, зашел на свою страничку и с ужасом обнаружил заявление, которое якобы сам же и сделал:

Почему вы читаете мои романы? У вас что, совсем нет ни вкуса, ни здравого смысла? Вы настолько глупы, что тратите деньги на слащавые сказочки? Ну так вот – я презираю вас за любовь ко мне.

Ошеломленный, я судорожно пытался вспомнить, когда мог написать этот кошмар, но мозг отказывал в подсказке.

– Не понимаю... – жалким голосом пролепетал я.

– Ты был пьян?

– Да... Но... Я этого не писал.

– Уверен?

Как я мог быть в чем-то уверен, учитывая состояние, в котором находился?

– Да, – солгал я.

– Значит, кто-то взломал твой аккаунт!

Я задумался.

– Прочти комментарии, – велел он.

Я подчинился и увидел, что под публикацией уже триста комментариев, и это явно только начало. Люди отвечали мне, что называется, «с сердцем».

Автор, не уважающий своих читателей... стыд и позор!

Какое разочарование! Я думала, вы порядочный человек. Успех явно ударил вам в голову. Вы – жалкий тип.

Другие пытались меня подбодрить.

Сомнение свойственно художникам. То, что случилось, делает вас человечней. Мы вас не разлюбим.

Откуда этот кризис веры? Ваши романы великолепны!

Кое-кто высказывал сомнение насчет подлинности письма.

Внимание, разит фальшивкой!

Маразм! Сэмюэль Сандерсон никогда бы так не написал!

Его наверняка хакнули.

Мои читатели оживленно обменивались мнениями, каждый хотел высказаться.

– Сегодня утром мне звонили журналисты. Я не стал отвечать на вопросы, не зная, говорил ты с кем-нибудь из писак или обошлось!

– Я спал.

– Вот и хорошо. Убери этот поганый текст, смени пароль и напиши... опровержение... заявишь, что стал жертвой кибератаки.

Я последовал совету Нэйтана, потом пошел в душ, не переставая размышлять о случившемся. Обращение появилось в сети примерно через час после моего возвращения домой. Но когда я заснул? Кажется, минут через тридцать. Неужели я проснулся и зашел на Фейсбук, чтобы в нескольких строчках высказать наболевшее? Судя по стилю, писать вполне мог сильно набравшийся человек. Я терзал свою память, пытаюсь восстановить ход событий, но мои усилия ни к чему не привели.

* * *

– Помнишь свой пароль? – спросил Деннис и, не дав мне ответить, принялся гадать: – Имя дочери? Название первого романа? С цифрой до или после? Дата твоего рождения и почтовый индекс?

Я пришел, чтобы рассказать о случившемся, и мне показалось, что его это развлекло.

– Нет, то есть... это имя одного из моих героев и... год рождения Мэйан.

Он рассмеялся, по-детски обрадовавшись, что его трюк «ученика менталиста» удался.

– Значит, любой мало-мальски опытный хакер мог его вычислить, приложив определенные усилия.

Рассуждения Денниса меня не убедили.

– Есть и другая возможность, – продолжил он. – Ты выходил в сеть с чужого компьютера?

– Случалось.

– Из общественного места?

– В том числе. Во время поездок.

– Вот и ответ. Какой-нибудь пакостник подглядел пароль и написал это, чтобы тебя скомпрометировать.

– Может, и так, но есть одна проблема: в этом послании... в развязной манере выражены мои мысли.

– Хочешь сказать, ты сам это написал? – удивился Деннис.

– Это самое разумное объяснение.

– Я тоже так думаю.

– Правда? К чему тогда все эти рассуждения насчет пароя?

– Пытался тебя успокоить. Кроме того, нужно рассмотреть все варианты. Учитывая твоё вчерашнее состояние, я не удивлен, что ты ничего не помнишь. Или же... ты шизик!

– Эта мысль часто приходила мне в голову, – признался я.

– Серьезно?

– Конечно, нет. Мне нравится думать, что все романисты – шизоиды, ведь они существуют в двух мирах одновременно – в реальном и том, что создает их воображение, – и никого это не смущает.

– Ну, если так посмотреть...

– Честно говоря, способность разрушать все, что мне дорого, причинять боль любимым людям, подтверждает диагноз.

Я шутливым тоном признался в одном из страхов, которые ни на мгновение меня не покидали. Здоров ли я психически? Я положил жизнь отца семейства на алтарь славы, был приличным человеком – и ударился во все тяжкие, сочинял любовные истории о честных и благородных людях – и вел себя как кретин, одержимый жаждой плотских утех. Противоречивый, двойственный характер собственной личности не мог не вызывать у меня тревогу. Как далеко я способен зайти? Тень матери-самоубийцы витала надо мной, заставляя снова и снова задаваться вопросом, не унаследовал ли я ту болезнь, что заставила ее покончить с собой, то зло, о котором почти ничего не знал.

Через несколько дней споры по поводу случившегося утихли – всех удовлетворили мои объяснения.

Я остался один на один со своими сомнениями.

Глава 12

Литературные тусовки – неотъемлемая составляющая жизни любого автора. Мы встречаемся с друзьями по перу и журналистами, обмениваемся мнениями, обсуждаем планы. Это в теории, а на самом деле – ярмарка тщеславия, скучные разговоры, удобный случай, чтобы оценить свою медийную известность.

Я мало куда ходил, когда писал, но Нэйтан решил, что мне не помешает проветриться, а заодно продемонстрировать окружающим, что я в полном порядке. Он надеялся, что это отвлечет внимание публики от инцидента на Фейсбуке, и настоял, чтобы я, взяв с собой Рейчел, отправился на церемонию вручения какой-то-там-премии и продемонстрировал всем уверенного в себе, счастливого и влюбленного романиста. Я подчинился и позвал еще и Денниса: им с Рейчел давно хотелось поглазеть на VIP-зверинец.

Когда мы пришли, Нэйтан был уже в зале.

– Решил убедиться, что я в порядке?

– Не только. На вручении этой премии всегда устраивают отличный фуршет с вином и шампанским, – ответил Нэйтан, кивнув на богато накрытые столы.

Мы взяли себе выпить и завели разговор ни о чем, как делают люди, неловко чувствующие себя на светском рауте.

– Норман Макколи тоже здесь, – сказал Нэйтан.

– Видел, – откликнулся я.

Мой конкурент и его агент беседовали с ведущим телешоу.

– И пьет он, между прочим, апельсиновый сок, – язвительно добавил Нэйтан, кивнув на мой стакан с виски.

– Ему не мешает принять на грудь, может расслабиться хоть немного, – сквозь зубы процедил я.

– У него есть стиль, – заметил Деннис.

– Да, он ничего, довольно сексуальный, – подхватила Рейчел, и они обменялись понимающей улыбкой.

Молодые авторы держались вместе. Чувствовали они себя явно неловко, но хорохорились и смотрели на успешных литераторов с завистью и вызовом.

Ко мне подходили журналисты, издатели, пресс-секретари, писатели... все лучезарно улыбались, хвалили мои книги, интересовались планами.

Нэйтан стоял поодаль и в разговор вступал, только если речь заходила о бизнесе или кто-то осмеливался задать вопрос об инциденте на Фейсбуке.

Я не сразу привык к лицемерию, которым было пропитано такого рода общение. Кое-кто называл меня любимцем Судьбы, превратившей Сэмюэля Сандерсона в одного из избранных. Большинство же людей ни в грош меня не ставили и считали жалким писакой.

Среди тех, с кем мне приходилось сталкиваться, было много профессиональных прожектеров: они подходили, предлагали написать сценарий, адаптировать роман для кино, поучаствовать в рекламной кампании или обещали помощь, сулили вознести на вершину, недостижимую для всех остальных литераторов. Поначалу я слушал всех и каждого, видел в них промоутеров, «делателей успеха», но достаточно быстро понял, что они забывают свои обещания, едва закончив разговор. У них не было ни средств, ни сил, чтобы реализовать свои идеи, они жили мгновением. Болтуны и наивные мечтатели, они жаждали общаться с богемой, выйти из тени на свет – хотя бы в собственном представлении – вот и придумывали себе несуществующие умения и таланты, строили несбыточные планы.

Литература, искусство, журналистика – интеллектуальные институты. Их основы покоятся на идеях, мыслях и таланте творцов. Они призваны улучшать мир, но слишком часто уступают искушению сиюминутной славой, отдаваясь во власть адептов Настоящего, которые не помнят Прошлого и не думают о Будущем. Я участвовал в этом фарсе, прекрасно осознавая свою роль, и горько сожалел, что время от времени игры доставляли мне удовольствие.

Награды были розданы. Лауреаты застенчиво благодарили, неудачники прятали разочарование за сдержанными улыбками. Заиграл оркестр, приглашая гостей размяться. Было забавно наблюдать за людьми, не привыкшими к такого рода развлечениям, хотя опытные танцоры выглядели не намного лучше – алкоголь и ажиотаж сделали свое дело.

Рейчел попыталась увлечь меня на танцпол, но я отказался, не желая выглядеть смешным и жалким, тогда она пригласила Денниса, несравненного светского льва и отличного танцора.

Я остался один, схватил с подноса стакан, попытался отыскать Нэйтана в толпе гостей и вдруг почувствовал головокружение. Мне показалось, что сознание стремительно сдувается, как воздушный шарик, и вот-вот погаснет. Я прислонился к стене, чтобы отдышаться, мимо мелькали лица, люди что-то говорили, но я не мог вымолвить ни слова. Звуки и образы отдалились, превратившись в глухое эхо и туманные вспышки.

О том, что случилось потом, мне рассказали друзья.

* * *

Я открыл глаза и увидел лица склонившихся надо мной Рейчел, Денниса и Нэйтана.

– Он приходит в себя, – прошептал Деннис.

– Как ты себя чувствуешь? – с тревогой в голосе спросила Рейчел.

– Что произошло?

Я шевельнулся, и челюсть отозвалась резкой болью, дышать было тяжело – ныла грудь.

– Мы сами хотели бы знать! – рявкнул Нэйтан. Он выглядел разъяренным.

– Что на тебя нашло?

– О чем ты?

– О твоём скандальном поведении! – отрезал он.

– Не понимаю...

– Ты ничего не помнишь? – удивилась Рейчел.

Я пожал плечами.

– Может, все дело в ударах?

– Что за удары? Кто-нибудь объяснит мне наконец, что стряслось? – взорвался я.

– Можешь сказать, что последнее ты помнишь о вчерашней вечеринке, Сэмюэль? – спросил Деннис.

Я задумался.

– Вы пошли танцевать. Я искал Нэйтана. Почувствовал недомогание.

– Недомогание? – удивился Нэйтан.

– Да, дурноту... Голова сильно закружилась, я испугался, что хлопнусь в обморок.

– Ты много выпил?

– Нет, две или три порции.

Деннис подошел ближе.

– Мы видели не все, но вот что нам рассказали. Ты толкнул одного из журналистов. Он сделал тебе замечание, и ты вдруг взбесился – орал, оскорблял окружающих. Кто-то вызвал охрану. Ты попытался вмазать этой горилле, но он увернулся и ударил тебя по лицу. Ты упал как подкошенный и потерял сознание. Мы отвезли тебя домой.

Я онемел, потому что ничего не помнил и не узнавал себя в этом вульгарном грубияне.
– Кажется, он все забыл, – констатировала Рейчел, глядя на мое изумленное лицо.

Нэйтан закурил свой любимый «Винстон» и несколько мгновений всматривался в меня с озадаченным видом.

– Вы не оставите нас ненадолго? – попросил он.

Рейчел и Деннис явно удивились, но из комнаты вышли.

Нэйтан выдохнул дым и заговорил – очень серьезно, внушительным тоном:

– Я очень обеспокоен, Сэмюэль. Сначала идиотское послание на Фейсбуке, теперь этот припадок. Ты должен показаться врачу. Усталость и излишества никого до добра не доводят.

– Ты прав, я устал. Но не думаю, что...

– Ты себя разрушаешь! – Нэйтан взорвался, не дав мне договорить. – Ты навредишь своей карьере. На приеме был весь литературный бомонд, издатели, пресса, так что завтра новость разлетится по городу.

– Тебе прекрасно известно, что я не устраиваю сцен, не скандалю и уж тем более не дерусь.

– Вот именно! Перестанешь себя контролировать, все потеряешь.

– Я уже все потерял, Нэйтан.

– О чем ты?

– Я потерял любимую женщину, дочь... мечты и надежды.

– Вот об этом я и говорил... – Нэйтан встал. – Тебе нужна помощь. Я позвоню в Маунт-Синай¹⁶ и запишу тебя на прием. Встретишься с доктором Фарвеллом, он психиатр и мой друг. Я ему полностью доверяю.

Слово «психиатр» неприятно резануло слух. Я вспомнил о безумии матери, о тяжелом детстве, о том, как уже подростком стал бояться, что проклятие падет и на мою голову! И вот теперь призрак безумия снова рыщет вокруг...

Я согласился с решением Нэйтана.

* * *

Осмотр не выявил никаких отклонений, разве что давление было низковато. Терапевт посоветовал как следует отдохнуть. Психиатр попробовал успокоить: да, наследственность может влиять на развитие некоторых душевных недугов, но мое состояние он склонен объяснять постоянным стрессом – не жизнь, а какие-то гонки на выживание. Доктор порекомендовал здоровый образ жизни и пообещал навести справки о диагнозе моей матери, чтобы оценить возможную угрозу.

Против всех ожиданий мое скандальное поведение не стало главной новостью и предметом оживленных пересудов. Нэйтан нажал на все педали – уговорил тех, на кого я напал, не подавать жалобу, и объяснил прессе, что у меня случился нервный срыв и я сразу пожалел о содеянном. Репутацию мою случившееся, конечно, подмочило, но меня волновало только мнение издателя. Джерри Снукер прислушался к аргументам Нэйтана, кроме того, хорошие продажи гарантировали мне некоторый иммунитет.

На душе было погано, и я с нетерпением ждал звонка доктора Фаррела. Мне казалось, что ответы на все вопросы найдутся в архивах психиатрической лечебницы, что история болезни моей матери внесет хоть какую-то ясность.

– У вашей матери была шизофрения, – сообщил он во время второго визита. – Она покончила с собой в припадке параноидального бреда.

¹⁶ Маунт-Синай – медицинский комплекс в Нью-Йорке. Один из старейших (1852) и крупнейших в Америке.

Слова прозвучали, но я не удивился.

– Эта болезнь может передаваться по наследству, я прав?

– Да. Но это говорит лишь о возможном риске шизофрении и не гарантирует ее появления. Волноваться нет причин. Я не нашел у вас никаких тревожных симптомов.

– Но я теряю сознание, совершаю поступки, о которых не помню!

– Вы были под воздействием алкоголя, очень устали, – поспешил успокоить он.

– Не все пьяницы реагируют подобным образом.

– Мало кто ведет жизнь, подобную вашей.

Доктор помолчал.

– Нэйтан все мне рассказал ради вашего же блага, – пояснил он.

Я покачал головой и поднялся.

– Подождите, господин Сандерсон, у меня есть еще один вопрос. Зачем вы сказали, что не знаете диагноза матери?

– Я его не знал.

– Но ведь у вас был доступ к ее медицинской карте.

– С чего вы взяли?

– Когда я позвонил в архив и запросил информацию, мне сообщили, что несколько недель назад вы уже сделали это.

Слова Фаррела сразили меня наповал.

– Да, но... Я не решился заглянуть в бумаги. Просто не смог – слишком уж это тяжело.

Я чувствовал, как темный глухой страх медленно заползает в душу. Я был уверен, что не делал никакого запроса, факты свидетельствовали об обратном. Мой мозг не желал этого принимать, следовательно... я – шизофреник?

Желание выяснить правду преследовало меня много лет, я был уверен, что, только сделав это, смогу успокоиться, но после встречи с Даной одержимость отступила. Я решил жить настоящим и строить будущее, мне казалось, что любовь к жене и дочери сумеет усыпить моих демонов.

Я преодолел страх благодаря моим книгам: герои встали между мной и мнимой угрозой страшной болезни. Я топил страх в выпивке, предпочитая сваливать взрывы на алкоголь, а не на нарушения психики.

Я не понимал, что бегство от действительности – признак нездоровья.

* * *

– Я уверен, это дело рук журналиста, – сказал Деннис. – Жалкий дерьмокопатель готовит статью или тайно кропает твою биографию.

Я был потрясен тем, что узнал от доктора, и отправился за помощью к Деннису. Он усадил меня в кресло, принес чашку кофе и смотрел, как я пью, с участием, окрашенным нежной иронией. Такой взгляд бывает у друзей, когда мы беспокоимся по пустякам, а им приходится успокаивать нас.

– Может, и так, – ответил я.

– Есть и другая вероятность: ты сделал запрос, а потом забыл об этом...

– Как забыл, что написал то дурацкое послание на Фейсбуке и вчерашнюю драку в клубе.

Деннис покачал головой:

– Ты был пьян.

– Что, если я не помню об этом именно потому, что был пьян?

– Возможно, но довольно терзать себя вопросами. Сейчас ты можешь одно – строить предположения, а воображение у тебя богатое, но издерганное, так что версии будут самые невероятные.

Я вынужден был согласиться: мой мозг уже начал выдавать варианты развития событий – один тревожней другого.

Чтобы отвлечься от проблем, я засел за роман и закончил его, но мира в душе не обрел. Нэйтан и Джерри заверили меня, что книга получилась хорошая. Такая же хорошая, как все остальные. Учитывая, как мало я их ценил, эти слова меня совсем не утешили.

Глава 13

Я читал корректуру девятого романа, до начала рекламной кампании оставалось несколько недель, и мой пресс-секретарь готовила расписание встреч.

Мне снова предстояло ездить по городам, подписывать книги, участвовать в конференциях, отвечать на вопросы журналистов, по большей части – пресыщенных скептиков, в лучшем случае прочитавших пресс-релиз и аннотацию и с умным видом задающих одни и те же вопросы. Когда я начинал, вся эта «собачья свадьба» оскорбляла мой девственный идеализм, и я талдычил где ни попадя, что дело писателя – писать, и ничего больше. Потом пришел успех, издательство вложило кучу денег в рекламу и потребовало, чтобы я взял на себя часть забот и согласился общаться с журналистами. Я вошел во вкус, ощутил собственную значимость и по глупости вообразил, что публичная сторона ремесла возносит меня над простыми смертными, делает жизнь более увлекательной. Да, я очень уставал, но с удовольствием открывал для себя новые места, где раньше по природной лени никогда не бывал. Я наслаждался роскошными отелями и кухней лучших поваров, но со временем пресытился этими наслаждениями – всеми, кроме сексуальной охоты.

В ожидании турне я отдыхал – спал допоздна, днем бездельничал, вечерами пил, а когда организм отказывался принимать алкоголь, садился за компьютер и делал вид, что обдумываю план очередной сентиментальной дребедени.

Договор с издательством истек, директор был обеспокоен моими недавними эскападами и «обеднением интриги» и хотел увидеть синопсис, прежде чем обсуждать с Нэйтаном условия нового договора и тратиться на рекламную кампанию. А я даже сюжет придумать не мог, не говоря уж о том, чтобы написать роман. Сделав очередную безуспешную попытку, я открывал Фейсбук и выискивал более или менее откровенные предложения читательниц, чтобы заполнить ночные «вакансии» на время тура.

Я отвечал на двусмысленные вопросы одной матери семейства, упивавшейся беседой с любимым автором, и тут кто-то «попросился в друзья» в мой секретный личный аккаунт. Я удивился: сюда писали только приятели или любовницы. Просьба исходила от моего однофамильца – не в первый раз, так уже поступали фанаты, а иногда и настоящие тезки, спешившие указать на забавное совпадение.

Я принял очередного Сэмюэля Сандерсона в друзья и вернулся к увлекательному диалогу, не зная, что этот клик компьютерной мышкой изменит всю мою жизнь.

Погрузит ее в кошмар.

Глава 14

Я звонил Мэйан и всякий раз попадал на голосовую почту, на эсэмэски она тоже не отвечала, и мне оставалось одно – поговорить с Даной.

– Мэйан не подходит к телефону, – сказал я.

– Ну и?..

– Она дома? Можешь ее позвать?

– Твоя дочь занята, – сухо ответила моя бывшая жена.

Наши отношения после развода были мягко говоря натянутыми. К моему глубокому сожалению, она пресекала любые попытки сближения, давая понять, что и говорить бы со мной не стала, если бы не Мэйан.

– Прошу тебя, Дана... Я знаю, после того как мы расстались, наши отношения осложнились, но окончательно она от меня не отказывалась. Грубила, посылала куда подальше, но все-таки общалась, а теперь даже поговорить не хочет! Я ничего не понимаю.

– Неужели?

– Правда не понимаю!

– А прессу ты читаешь?

– Какую прессу, при чем тут пресса?! – разозлился я.

– Ту, где описываются твои похождения.

– О чем ты, Дана?

– О твоей последней... возлюбленной. Об этой девчонке...

Я раздраженно крикнул:

– Теперь понятно. Она не девчонка, ей двадцать шесть!

– А твоей дочери – двадцать.

– И что с того?

– Мэйан не нравится, что ты появляешься на людях с ее ровесницей.

– Ясно... И все-таки очень тебя прошу, уговори ее позвонить мне. Я хочу, чтобы мы вместе пообедали.

– Она читала твои сообщения, но не намерена рисковать: ей не улыбается идея столкнуться нос к носу с твоей... подружкой.

Дана не считала нужным скрывать свое неодобрение.

– И ты с ней согласна?

– В каком смысле?

– Ты тоже считаешь, что она слишком молода для меня?

– Я ничего не считаю и никого не сужу. Я могла давать советы человеку, с которым делила жизнь. Его я знала и понимала, но это было давно.

– Бога ради, не сгущай краски!

Дана промолчала.

– А у тебя как дела с... Люком? – спросил я, чтобы перевести разговор в безопасное русло.

– Его зовут Лукас.

– Извини...

– Проехали. Он замечательный человек, добрый, внимательный. Мэйан очень хорошо с ним ладит.

Дане, как и всем женщинам, была свойственна злобредность.

Меня не слишком радовала мысль, что моя бывшая жена счастливо живет с человеком без недостатков, а моя дочь испытывает к нему дружеские чувства. Будь я менее эгоистичен, я порадовался бы за них, вместо того чтобы копить злобу.

– Вот и замечательно, – произнес я, надеясь, что это прозвучало вполне убедительно и естественно, а потом долго сидел, глядя в пустоту, и пытался заглушить отголоски ревности.

Глава 15

Я послал эсэмэску Рейчел, предупредил, что опаздываю, зашел в кабинет за документами и ключами от машины и решил заглянуть на Фейсбук.

Среди полученных сообщений было и послание от загадочного однофамильца. Я открыл его, ожидая увидеть шутку насчет общего имени и фамилии, и прочел:

Ты такой жизни хотел для себя?

Я несколько раз перечитал эту фразу, пытаюсь вникнуть в смысл вопроса. Что хотел продемонстрировать автор – чувство юмора? Он намекает на один из моих романов? Или этот человек – пустой фантазер?

Я увеличил его аватарку, увидел обложку какого-то романа с размытым названием и выключил компьютер. Чужая известность завораживает и возбуждает психопатов, так что писателям часто приходится иметь дело с людьми, которые почему-то наделили себя правом вторгаться в их жизнь. Читатели купили ваш роман и провели в вашем обществе много часов, они убедили себя, что вы – единомышленники или же, напротив, антагонисты, а значит, принадлежите им – до некоторой степени. Они претендуют на ваше время, интерес, сочувствие. На меня не раз «нападали» – на Фейсбуке и даже очно, во время рекламных туров. Гамма эмоций была богатой – от дикого восторга до грубых оскорблений и желчной, завистливой критики. Главное – никогда не вступать в спор с неуравновешенными личностями, иначе они укрепятся во мнении, будто ты им что-то должен.

Я вышел из дома и забыл о странном письме.

* * *

Я открыл глаза за несколько минут до телефонного звонка. Воспоминания о вчерашнем вечере были более чем смутными: девицы, смех, выпивка, лица, знакомые и нет... Похмелье было тяжелым – я едва мог поднять веки, в глаза будто песка насыпали, злобный бесенок-садист стучал по черепу молотком и зубилом. Я вообще когда-нибудь просыпался в нормальном состоянии?

Часы показывали полдень. Рейчел ушла около восьми, но в комнате все еще витал аромат ее духов. Я снял трубку.

– Только не говори, что ты еще спишь! – Я узнал веселый голос моего пресс-секретаря Сэнди.

– Давно встал и уже работаю, – соврал я.

– Расскажи кому-нибудь другому! Мы давно знакомы, так что я легко могу определить, спишь ты или бодрствуешь.

– Ладно, сдаюсь. Надеюсь, ты не просто так нарушила мой покой?

– Конечно. Джек Лерман приглашает тебя на передачу.

– Отлично. Ну и?

– И?! Это гениально! Все мечтают попасть на ток-шоу Лермана, я это устраиваю, а ты произносишь три слова – и конец рассказа?

– Извини. Ты ведь знаешь, утром я никакой.

– Днем и вечером дела обстоят не лучше.

– Я не хочу участвовать в этой программе, Сэнди.

– Ты, надеюсь, шутишь?

– Я никогда ее не смотрел, но много чего слышал. Два хитреца изображают критиков и унижают писателей. Особенно тех, кто пишет для широкого круга читателей.

– Они очень агрессивны, не спору. Но это игра, и телезрители все понимают. После каждой передачи продажи взлетают до небес.

– Мне что, отдать себя на растерзание, чтобы завоевать новых читателей?

– Нет, просто будь собой. Ты нравишься людям, они знают, что задача двух шутов – устроить представление, так что бояться нечего. Ты не можешь отказаться! Я из шкурки вылезла, чтобы запихнуть тебя!

Сил спорить у меня не было, и я сдался. Правда заключалась в том, что мне было все равно.

– Придется переделать твоё расписание. Через полчаса пришлю мейл.

Я забеспокоился – придется и мне пересмотреть план встреч с... особыми читательницами. Я принял душ, налил себе кофе и в ожидании сообщения Сэнди зашел на Фейсбук. Одно из писем было от Однофамильца.

Ты хотел писать такие романы?

Снова вопрос о моей жизни, о проблеме выбора. Я почувствовал злость.

Чего добивается этот болван? Кто дал ему право интересоваться смыслом моего существования? Хочешь высказаться – вперед, но зачем провоцировать? Я привык к злобным нападкам, тошнотворно-завистливой критике, оскорблениям, но этот пройдоха ограничивается риторическими вопросами.

«Иди к черту, придурок!» Я произнес это вслух, громким голосом, и сразу успокоился, подивившись: чего это ты так завелся? Не нервничай, Однофамилец – обычный завистник, разве что чуть более извращенный. Если две фразы незнакомого человека способны вывести меня из себя, значит, я недооценил глубину депрессии.

И все-таки я не мог не понимать, что незнакомый надоеда угадал первопричину моего ужасного состояния. Я жил не той жизнью и писал не те романы.

Но что он об этом знает? Как сумел вычислить болевые точки? Неужели ему помогли мои книги и интервью?

Я все обдумал и пришел к следующему выводу: Однофамилец не ясновидящий, он использовал общеизвестные факты. Я в разводе, веду беспорядочную жизнь. Пишу мрачные тексты с однообразными сюжетами, значит, хандрю, а потому уязвим. Но какую цель он преследует? Добивается «эксклюзивных» отношений?

Все, хватит, нечего тратить время и силы на его игру и строить нелепые гипотезы!

Глава 16

Я отклонил предложение Рейчел встретиться вечером – мне хотелось поработать.

Какими словами описать человека, испытывающего непреодолимую тягу к сочинительству, который с мазохистским наслаждением терзает свой мозг и рвет сердце, чтобы положить на бумагу текст, способный ввергнуть его в уныние?

Она возникает из ниоткуда, и вам остается одно – удовлетворить ее. Я очень давно не чувствовал ничего подобного – большинство романов писались отнюдь не в порыве вдохновения. Я, как и многие собраты по перу, впрягался в работу в последний момент, когда отступить было некуда, договор есть договор. Творческий порыв не рождается под давлением обстоятельств, я подстегивал воображение спиртным и другими средствами и очень скоро превратился в жалкого ремесленника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.